

Застава богатырская

Кабы жили на за́ставы бога́тыри,
Недалёко от города — за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут петнадцеть лет,
Кабы тридцеть-то их было да со богатырём;
Не видали не конного, не пешого,
Не прохожого они тут, не проежжого,
Да не серой тут волк не прорыскивал,
Не ясен сокол не пролётывал,
Да не русской богатырь не проежживал.
Кабы триццеть-то было богатырей со богатырём:
Атаманом-то — стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Подутóманьём — Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Олеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопáнишко жил во конюхах,
Да и жил тут Василей сын Буслаевич,
Да и жил тут Васинька Игнатъевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермья да сын Васильевич,
Да и жил тут Родивон да Превысокие,
Да и жил тут Микита да Преширокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроминькой,
Затем Пóтык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило блады Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата, два родимые,
Да Лука да Матвей, дети Петровыя...
На зацине-то было светла деницька,
На зори-то тут было да ноньце на утренной,
На восходе-то было да красна солнышка,
Тут става́ёт старо́й да Илья Муромец,
Илья Муромец ста́ваёт да сын Ивановичь,
Умывается он да ключевой водой,

Утираетсе он да белым полотном,
А ставаёт да он нонь перед Господом,
А молитсе он да Господу Богу,
А крест-от кладёт да по-писанному,
А поклон-от ведёт да как ведь водитсе,
А молитву творит полну Исусову.
Сам надёрнул сапожки на босу ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечё,
Да пухов-де колпак да на одно ухо.
Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да выходит старбй да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на вси стороны:
Да смотрел он под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летную —
Да стоят там луга да там зелёныи;
Да гледел он под сторону под западну —
Да стоят там да леса тёмныи;
Да смотрел он под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледены горы;
Да смотрел он под сторону в полуночю —
Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кули́гово.
В копотн-то там, в тумане не знай — зверь бежит,
Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатайтсе,
Да Саратовы ле горы да знаменуютсе,
А богатырь ле там едёт, да потешаетсе:
Попереди-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной вожлок,
На правом-то плече, знать, воробей сидит.
На левом-то плече да, знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамышского,
Не того же орла, которой на дубу сидит,

Да того же орла, которой на синём мори,
Да гнездо-то он вьёт да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат,
Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
На полёте он стрелоцьку подхватыват.
Подъездят он ныне ко белу шатру,
Да и пишот нонь сам да скору грамотку,
На правом-то колене держит бумажецьку,
На левом-то колене держит чернильничу,
Во правой-то руке да держит перышко,
Сам пишот ерлык да скору грамотку,
Да подмётывал ерлык да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному.
Да берёт-то стар казак Илья Муромец
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечатано:
«Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнё Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печятны больши книги да во грезе стопчу.
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму».
Да заходит тут стар тут во белой шатёр:
«Ох вы ой есь, вы дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина, да заговорная.
Уж вам долго ле спать, да нынь пора ставать.
Выходил я, старбый, вон на уличу,
Да и зрел я, смотрел на вси стороны:
Да смотрел я под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град...»[1](#)
Тут скакали нынь все руськие богатыри,
Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынь за богатырём?
Да послать нам Самсона да Колыбанова —
Да и тот ведь — он роду-то сонливого,
Заневид потеряют свою буйну голову;
Да послать нам Дуная сына Иванова —

Да и тот, он ведь роду-ту заплывчива,
Заневід потерят свою буйну голову;
Да послать нам Олешеньку Поповиця —
Да и тот он ведь роду-то хвасливого,
Потерéет свою буйну голову;
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопáнишка —
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потерееет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимыя,
Да Луку-де, Матвея, детей Петровицей, —
Да такого оне роду-то ведь вольнёго,
Они вольнёго роду-ту, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Микитиця —
Да и тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-ту, очеслива,
Да умеет со мóлодцом соехатсе,
Да умеет он со молодцом розъехатсе,
Да умеет он ведь молодцу и честь воздать».
Да уцюло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецькоё —
Да и стал тут Добрынюшка сряжатисе,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблетисе:
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи чепей,
Да семи он чепей, да семи розъвезей,
Да и клал на коня да плотны плóтьницьки,
Да на плóтьницьки клал да мякки войлоцьки,
Да на войлоцьки седёлышко черкальскоё,
Да двенадцеть он вяжот подпруг шолковых,
Да тринадцету вяжот черезхребётную,
Через ту же он степ да лошадиную,
Да не ради басы да молодецькоюй —
Ради крепости вяжот богатырьскоюй.
Тут он признал он-де шапоцьку курцявую,
Он простилсе со всеми руськими богатырьми.
Да не видно поездки да молодецькоюй,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремяна ступил,

Стремена-те ступил, да он коня стегнул.
Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побезка лошадиная,
Во чистом-то поле видно: курива стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплутся,
Из ноздрей у коня пламё мечется,
Да и сива-де грива да расстиляется,
Да и хвост-то трубой да завивается.
Наежжаёт богатырь на чистом поли,
Заревел тут Добрыня да во первой закон:
«Уж я верной богатырь, дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Заревел-то Добрынюшка во второй закон:
«Уж я верной богатырь, дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Да и тут-де Добрынюшка ругатце стал:
«Уж ты гадина едёшь да перегадина!
Ты сорока ты лётишь да белобокая!
Да ворона ты лётишь да пустопёрая,
Пустопёра ворона да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульнюю —
Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считаешь?..»
А и тут-де тотарин да поворот даёт,
Да снимал он Добрыньку да со добра коня,
Да и дал он на ж<опу> по отяпышу,
Да прибавил на ж<опу> по алябышу,
Посадил он назад его на добра коня:
«Да поедь ты, скажи стару казаку —
Кабы што-де старой тобой заменяется,
Самому ему со мной ище делать нечево?»
Да поехал Добрыня да одва жив сидит,
Тут едёт Добрынюшка Никитьевич
Да к тому же к своему да ко белу шатру,
Да встречаёт его да нынче стар казак,
Кабы стар-де казак да Илья Муромец:
«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитиць блад!

Уж ты што же ты едѣшь не по-старому,
Не по-старому ты едѣшь, да не по-прежнему,
Повеся ты доржишь да буйну голову,
Потопя ты дѣржишь да очи ясныи?»
Говорит-то Добрынюшка Никитиць блад:
«Наежжал я тотарина на чистом поли,
Заревел я ему да ровно два роза,
Да и едѣт тотарин, да не ёгленется;
Кабы тут-де-ка я ровно ругатсе стал,
Да и тут-де тотарин да поворот даѣт,
Да сымал он меня да со добра коня,
Да и дал он на ж<опу> да по отяпышу,
Да прибавил он еще он по алябышу,
Да и сам он говорит да таковы реци:
„Да и што-де старой тобой заменяетсе,
Самому ему со мной да делать нечего?“»
Да и тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе,
Могуци его плеця да расходилисе,
Ретиво его сердцѣ разгорецилосе,
Кабы ровно-неровно, бутто в котли кипит.
«Ох вы ой еси, руськие богатыри!
Вы седлайте-уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбруню да лошадинную,
Вы кладите всю приправу да богатырьскую».
Тут седлали-уздали да коня доброго,
Да не видно поездки да молодецькой,
Только видно, как старой нынь на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремяна ступил,
Да и прижнял он свой да нонь пухов колпак:
«Вы прощайте, дружинушка хоробрая!
Не успеете вы да штей котла сварить —
Привезу голову да молодецькую!»
Во чистом поли видно: курива стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплютсе,
Из ноздрей у коня пламѣ мечетсе,
Да и сива-де грива да ростилаетсе,
Да и хвост-от трубой да завиваетсе.

Наежжаёт тотарина на чистом поли,
От того же от города от Киева,
Да и столько-де места — да за три поприща.
Заревел тут старой да во первой након:
«Уж я верной богатырь, дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Да и тут старой заревел во второй након:
«Ёж я верной богатырь, дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
Да и тут-де тотарин да не огленетсе;
Да и тут-де старой кабы ругатсе стал:
«Уж ты гадина едёшь да перегадина!
Ты сорока ты лётишь да белобокая!
Ты ворона ты лётишь да пустоперая,
Пустопера ворона да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульную —
Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считаешь?..»
Кабы тут-де тотарин поворот даёт,
Отпустил тотарин да нынь сера волка,
Отпустил-то тотарин да черна вожлока,
Да с права он плеча да он воробышка,
Да с лева-то плеча да бела кречета.
«Побежите, полетите вы нынь проць от меня,
Вы ищите себе хозяйна поласкове,
Со старым нам съездяться — да нам не брататься,
Со старым нам съезжатця — дак чья божья помочь».
Вот не две горы вместо да столканулисе —
Два богатыря вместо да тут соехались.
Да хватали они сабелки нынь вострыи,
Да и секлись-рубились да челы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострыя сабельки их да изломалисе,
Изломалисе сабельки, исщербилисе —
Да бросили тот бой да на сыру землю.
Да хватали-то палицы боёвыя,
Колотились-дрались да челы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Да боёвыя палицы загорелисе,

Загорелисе палицы, распоёлисе —
Да бросали тот бой на сыру землю.
Да хватали копейця да бурзомецькии,
Да и тыкались-кололись да челы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
По насадке копейця да изломалисе,
Изломалисе они, да извихнулисе —
Да бросили тот бой да на сыру землю.
Да скакали они нонь да со добрых коней,
Да хватались они на рукопашецьку.
По старому по бесчесью да по великому
Подоспело его слово похвальнёе —
Да лева его нога да окольздилосе,
А права-то нога и подломилосе,
Да и падал старой тут на сыру землю,
Да и ровно-неровно, бутто сырой дуб.
Да заскакивал Сокольник на белы груди,
Да и розорвал лату да он булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и хочет пороть да груди белыя,
Да и хочет смотреть да ретиво серце.
Кабы тут-де старой да нынь расплакалса:
«Ох ты ой есть, пресвята мать Богородиця!
Ты пошто этта меня ныньце повыдала?
Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборныя».
Вдруг не ветру полоска да перепахнула —
Вдвое-втрёе у старого да силы прибыло,
Да свиснул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груди,
Да и розорвал лату да всё булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и ткнул он ему да во черны груди —
Да в плечи-то рука и застояласе;
Тут и стал-де старой ныньце выпрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
У поганого сердцо-то заплывчиво:
«Да когда я у те был да на белых грудях,
Я не спрашивал не роду тя, не племени».

Да и ткнул старой да во второй након —
Да в локти-то рука да застоялосе;
Да и стал-де старой да опеть спрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
Говорит-то Сокольник да таковы реци:
«Да когда я у те был на белых грудях,
Я не спрашивал не роду тя, не племени,
Ты ище стал роды у мня выпрашивать».
Кабы тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе,
Да и ткнул старой да во третьей након —
В заведи́-то рука да застояласе;
Да и стал-то старой тут выпрашивать:
«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
Да скажись ты мне ноньце, пожалуйста:
Да какой ты земли, какой вотчины?
Да какого ты роду, коя племени?
Да и как тя, молодца, именём зовут?
Да и как прозывают от отечестви?»
Говорит-то Сокольник да таковы реци:
«От того же я от камешка от Латыря,
Да от той же я девчонки да Златыгорки,
Она зла полениця да преудалая,
Да сама она была ище одноокая».
Да скакал-то старой нонь на резвы ноги,
Прижимал он его да ко белой груди,
Ко белой-де груди, да к ретиву сердцю,
Человал его в уста да нынь сахарныи:
«Уже ты чадо ле, чадо да моё милоё!
Ты дитя ле моё, дитя моё сердцецьноё!
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью,
Да на том же мы ведь на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились —
Сотворили мы с ей любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольно Киев-град,

Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будёт тебе у нас поединщиков».
Да и едёт Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высокоу терему,
Да встретят его матушка родимая.
«Уж ты цядо ле, цядо мое милоё!
Уж дитя ты моё, дитя сердечнёё!
Уж ты што же нынь едешь да не по-старому?
Да и конь-то бежит не по-прежнему?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
Потопя ты доржишь да оци ясныя,
Потопя ты их дёржишь да в мать сыру землю».
Говорит-то Сокольник да таковы реци:
«Уж я был же нынь-ныньце да во чистом поли,
Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовёт блядкой, меня — выbledком».
Говорит-то старуха да таковы реци:
«Не пустым-де старой да похваляется —
Да съежжались мы с им да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы с им любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, цядо, тебя прижили».
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Да хватал он матушку за черны кудри,
Да и вызнял он ей выше могуцих плець,
Опустил он ей да о кирпичат пол —
Да и тут-де старухе да смерть случилосе.
У поганого серьцё-то заплывциво,
Да заплывцево серьцё-то, разрывциво,
Да подумал он думу да промежду собой,
Да сказал он нынь слово да ныньце сам сибе:
«Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я, поеду, стара казака,
Он спит нынь с устатку да нонь с великого».
Да поехал Сокольник в стольнё Киев-град,
Не пиваючись он, да не едаючись,

Не сыпал-де он нынеце плотного сну,
Да розорвана лата нынь булатная,
Да цветно его платьё да всё истрёпано.
Приворачивал он на заставу каравульнюю,
Некого тут на заставы не случилось,
Не случилось-де нынь, не пригодилосе,
Да и спит-то один старой во белом шатру,
Да храпит-то старой, как порог шумит;
Да соскакивал Сокольник да со добра коня,
Да заскакивал Сокольник да нынь во бёл-шатёр,
Да хватал он копейцё да бурзومهцькое,
Да и ткнул он старому да во белы груди.
По старому-то по счастью да по великому,
Пригодилосе ле тут да золот чўден крест —
По насадки копейцо да извихнулосе;
Да и тут-де старой да пробужаитсе,
От великого сну да просыпаитсе,
Да скакал-де старой тут на резвы ноги,
Да хватал он Сокольника за черны кудри,
Да и вызнял его выше могуцих плець,
Опустил он его да о кирпичат пол —
Да и тут-де Сокольнику смерть случилось.
Да и вытащил старой его вон на улицу,
Да и руки и ноги его он оторвал,
Розсвистал он его да по чисту полю,
Да и тулово свезал да ко добру коню,
Да сорокам, воронам да на расклёваньё,
Да серым-де волкам да на ростáрзаньё.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).)

1 Да и смотрел [я] под сторону под летнюю —
Да стоят там луга да там зелёныи;
Да глядел [я] под сторону под западну —
Да стоят там да лесы тёмныи;
Да смотрел [я] под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледены горы;
Да смотрел [я] под сторону в полуночю —

Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кули́гово;
В копоты-то там, в тумане не знай — зверь бежит,
Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатайтсе,
Да Саратовы ле горы да знаменуютсе,
А богатырь ле там едёт, да потешается:
Попереды-то его да бежит серой волк,
Позады-то его бежит черной вожлок,
На правом-то плече, знать, воробей сидит,
На левом-то плече да, знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамышского,
Не того же орла, которой на дубу сидит,
Да того же орла, которой на синём мори,
Да гнездо-то он вьёт да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат
Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
На полёте он стрелоцьку подхватыват.
Подъездыт он ныне ко белу шатру,
Да и пишот нонь сам да скору грамотку,
На правом-то колене держит бумажецьку,
На левом-то колене держит чернильиичу,
Во правой-то руке да держит перышко,
Сам пишот ерлык да скору грамотку,
Да подмётывал ерлык да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному.
Да берет-то стар казак Илья Муромец
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечатано:
«Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольне Киев-град,
Я соборны большы церкви я на дым спущу,
Я царевы большы кабаки на огни сожгу,
Я печятны большы книги да во грезе стопчу,

Чудны образы-иконы на поплаве воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.